

Е.В. Вдовченко

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ МУЖСКИХ СОЮЗОВ У САРМАТОВ

Исследование социальных институтов бесписьменных обществ является достаточно сложной проблемой. Использование как археологических данных, так и письменных источников, исходящих из другой культурной среды, не приводит к однозначным результатам и выводам. Археологические факты могут получать самое разное объяснение, и количество вариантов их трактовки зависит не только от характера археологического материала, но и от целей и общей концепции исследователя, и, что не менее важно, широты его кругозора. Письменные свидетельства также создают весьма искаженную картину. Информированность автора определяет качество информации, содержащейся в источнике. Социальные практики других народов могли привлечь внимание древнего писателя, и он тогда описывал их и давал какое-то объяснение. В обратном случае о существовании каких-либо социальных институтов приходится догадываться, вычитывая намеки и обрывки информации, содержащиеся в древних источниках. Серьезным препятствием здесь следует считать два фактора. Первый — трудности перевода понятия какого-либо социального института на язык древнего автора и затем — перевод информации древнего автора на наш язык (имеется в виду перевод текста и его трактовка). Другим, зачастую не менее серьезным препятствием служит воображение исследователя и сложившаяся историографическая традиция, которые могут дополнить информацию источника своим содержанием, весьма далеким от исходного (здесь уместно вспомнить, например, о матриархате или амазонках у сарматов). Тем не менее различного рода предположения и догадки, возникающие в ходе изучения источников, превращаются в рабочие гипотезы, критика которых помогает сделать еще один шаг вперед в постижении социальной истории древних обществ.

При социальных реконструкциях исследователи идут от источника, источниковедческой критики к фактам, а от них — к интерпретации, и это является основной стратегией полу-

чения информации о прошлом. Однако такой подход недостаточен. Обобщение, которое делается исследователем, должно не только исходить из исследуемого материала (как бы подробно его не описывать), но и производиться с учетом определенных закономерностей развития древнего общества. Поэтому интересно посмотреть на проблему социальной реконструкции с другой стороны и попытаться сформировать гипотезу, а затем уже проверить ее на существующем материале.

В настоящее время появляется все больше осторожных замечаний и предположений о том, что у сарматов могли существовать мужские союзы или другие подобные организации с аналогичными функциями (молодежные союзы, возрастные классы) [Симоненко 1993: 105; Иштванович, Кульчар 2000; Исаенко 1993: 176–177; Ustinova 2002]. Вопрос о наличии или отсутствии мужских союзов у сарматов заслуживает внимания, поскольку поможет нам лучше понять как социальные, так и этнические процессы в сарматском обществе.

Известно, что необходимые для первобытных и предклассовых обществ знания, умения и навыки член общины получал с детства, в ходе традиционных инициационных испытаний, которые играли огромную роль в жизни таких обществ. Обширный сравнительный этнографический материал позволяет изучить инициацию и опыт ее прохождения многими народами мира. Как показали исследования, инициация включает универсальные элементы: выделение иницируемых из социума (ритуальная смерть), прохождение ими подготовки в молодежных союзах и возвращение (рождение в новом качестве). В молодежных союзах юноши занимались охотой, грабительскими набегами, а также участвовали в охране границ. Здесь же они получали необходимые для дальнейшей жизни знания. Молодежные союзы, в свою очередь, могли быть частью системы возрастных классов.

Проблема формирования и соотношения возрастных классов, мужских объединений, молодежных союзов, а также тайных обществ очень важна для реконструкции процесса социальной эволюции. Последовательность развития этих институтов рассматривалась в ряде работ, однако эту проблему следует признать недостаточно исследованной. К сожа-

лению, вопрос о развитии мужских союзов — от зарождения до пережитков — слабо разработан. С.П. Толстов так писал об этом (подразумевая под тайными союзами определенный этап в развитии мужских союзов): «“Тайные союзы” являются организацией, историческая роль которых в процессе становления классового общества учтена еще в ничтожной мере» [1948: 312]. Через 65 лет эти слова сохраняют свою актуальность, хотя в отечественной науке вопрос о молодежных и мужских союзах у разных народов подробно рассматривался во многих исследованиях [Андреев 2004; Балушок 1993; 1995; 1996; Калиновская 1976; Карпов 1996; Толстов 1938; Тревер 1947]. Это явление и его пережитки отмечены у многих народов мира: славян, греков, народов Кавказа, Африки, тюркских кочевников, персов и др.

Следует отметить некоторую терминологическую неопределенность в вопросе классификации половозрастных институтов и близость ряда используемых понятий. Хотя «мужские объединения», «молодежные союзы», «возрастные классы», «тайные союзы» и означают не одно и то же, тем не менее, генетически между собой связаны. Возможно ли построить эволюционистскую схему, носящую более или менее универсальный характер и позволяющую судить об альтернативах социальной эволюции мужских союзов? При всей гипотетичности реконструкций можно выделить определенные тенденции. Эволюция мужских союзов могла привести к их постепенному отмиранию и замещению новыми социальными формами, и о них могут напоминать только пережитки инициационных испытаний и ритуалов. Другой вариант — это превращение их в особую форму организации знати, тайные союзы или промысловые артели. С исследованием этого явления в истории древних обществ связан ряд проблем. Одна из важнейших — это проблема универсальности возрастных классов и объединений для разных социумов, их уникальности или же типичности. Поскольку основная масса известных нам обществ прошла уже через эту стадию в дописьменный период, то мы можем только реконструировать соответствующие процессы, опираясь на информацию о разных обществах и данные различной степени достоверности. Не всегда ясно, имеем ли мы дело с пережитками, полноценным социальным институтом, или же его за-

чатками. Характер наших источников и периферийность этого явления для древнего общества (которая выражается не в том, что оно малозначимо, сколько в том, что его деятельность не так открыта, в отличие от других институтов) затрудняет его изучение.

В нашем исследовании принципиально важно выяснить, насколько подтверждаются предположения о существовании подобных институтов у ираноязычных кочевников и, в частности, у сарматов. Для ответа на этот вопрос исследователям необходимо рассмотреть массив разных источников, и, на наш взгляд, уже есть определенная информация, которая позволяет говорить о правомерности постановки такого вопроса.

Обращает на себя внимание один эпизод из истории сарматов Среднего Дуная, произошедший в IV в. н.э.¹ Согласно сообщениям античных авторов — Аммиана Марцеллина, Евсевия, Иеронима, в первой половине IV в. н.э. на Среднем Дунае сарматы-рабы (лимиганы) восстали против своих господ — сарматов-свободных (ардарагантов) и, будучи более многочисленными, победили и изгнали их. Изгнанных ардарагантов, которых было 300 тыс. человек, император Константин частью расселил по империи, а способных носить оружие принял в войско [Аммиан Марцеллин 1994, XVII, 12, 18, 137–138; Иероним, Хроника 2350; Евсевий 1998, IV, 6, 1–2]. Возникает закономерный вопрос о том, кто такие ардараганты (варианты названия — *ardaragantes*, *argaragantes*, *arcaragantes*, *agaracantes*, *argaracantes*) и лимиганы (*limicantes*, *eliminates*, *eliminantes*)? Существуют разные версии по поводу происхождения этих названий и корней конфликта. Как следует из описания Аммиана Марцеллина, восставшие рабы были какой-то определенной общностью, подчиненной ардарагантам. Такие отношения зависимости достаточно традиционны для кочевников (ср. с институтом унаган-богол у монголов).

Ряд исследователей считает, что лимиганы — это языги, первые сарматы, проникшие на территорию Среднего Дуная в I в. н.э. и к IV в. начавшие оседать на землю. Вслед за первой волной языгов пришли роксоланы — в годы Маркоманской войны и в 270-е гг. н.э., которые покорили языгов. Языги, или сарматы-лимиганы, восстали и прогнали роксоланов-

ардарагантов [Harmatta 1950: 57; Ременников 1957: 402; Рикман 1975: 318]. Другая точка зрения состоит в том, что ардараганты — это сарматы (языги и недавно пришедшие роксоланы). А лимиганты — это земледельческое население, сохранившее внутреннюю автономию (потомки оседлых племен кельтского и дакийского происхождения, покоренных в I в. н.э. сарматами) [Хазанов 1975: 162]. Но считать лимигантов исключительно оседлым племенем нельзя. Аммиан Марцеллин говорит об особой подвижности лимигантов и о том, что они «свободно кочуют по своему обычаю» [XVII, 11, 1]. Упоминает он также конницу лимигантов [XVII, 13, 9]. У потомков оседлых племен осов и котинов, находившихся под властью сарматов почти триста лет, своей конницы быть не могло (к IV в. н.э. эти племена, скорее всего, уже были почти полностью ассимилированы). Таким образом, лимиганты — это сарматское население. Кроме того, следует отметить, что этнонимы «языги» и «роксоланы», бытовавшие до III в., не упоминаются Аммианом Марцеллином и другими авторами применительно к Среднему Дунаю, зато появляются загадочные ардараганты и лимиганты.

Существует предположение, что название «лимиганты» следует расшифровывать как «племя на лимесе», от латинских слов “limes” (граница, рубеж) и “gens” (род, племя). Такая расшифровка предлагалась еще Э. Гиббоном в «Падении Римской империи» и П. Шафариком в «Славянских древностях» [Колосовская 2000: 144]. Но существует и другое толкование этого названия. А.В. Исаенко предложил объяснение названия «лимиганты» от скифского “lyman” — «друг». Слово «лимиганты» образовалось присоединением к “lyman” суффикса «gen» и затем «t» — показателя множественности [Абаев 1996: 54–55]. То есть лимиганты — это «союзы друзей, дружественные». Может быть, это молодежные союзы сарматов? (Связь молодежных объединений с понятием «друзья» раскрывается далее.)

Ардараганты, по мнению А.В. Исаенко [1993: 182], — это производное от слова “aldar” — «господин, князь». В этом же звучании слово известно у скифов и сарматов [Абаев 1996, I: 128]. Согласно трактовке А.В. Исаенко, ардараганты — представители господствующей части сарматского общества или господствующее племя (роксоланы?) — про-

тивостоят лимигантам — молодежному союзу, представляющему интересы основной массы сарматского населения (потомков языгов?).

Интересно отметить, что ардараганты лучше вооружены. Об этом сообщает Евсевий Памфил: «Савроматов же сам Бог привел к ногам Константина, смилив хвастливость варварского их высокомерия так: когда восстали против них скифы, то для отражения врагов господа вооружили своих слуг. Одержав победу над скифами, рабы обратили оружие против своих повелителей и выгнали всех их из жилищ» [1998, IV. 6]. Скифы здесь — это готы, а савроматы — сарматы в нашем понимании. Ардараганты, вооружив оружием лимигантов перед готской опасностью, были потом побеждены и изгнаны своими рабами. Возможно, здесь речь идет о тяжелом вооружении (катафрактарная конница?), поскольку вообразить себе безоружных кочевников-лимигантов невозможно. Классический и широко известный обрывок у Тацита используется как важная иллюстрация распространения катафрактариев у роксоланов еще в I в. [Тацит I: 79]. Что же касается языгов Среднего Дуная, то у них на протяжении I–II вв. тяжелая конница не отмечена. Языги — это племена, происходящие из раннесарматского массива племен Северного Причерноморья, и для них мы можем предполагать не столь выраженную социальную стратификацию, как для роксоланов.

Говоря о сарматах-лимигантах, обитающих на Среднем Дунае в IV в., Аммиан Марцеллин сообщает о том, что эти сарматы, опасаясь карательной экспедиции со стороны Рима, обещали «платить ежегодную дань, поставлять свою *сильную молодежь* (выделено мною. — *Е.В.*) в войска и оказывать полное повиновение...» [XVII, 13, 3]. Аммиан Марцеллин отдельно отмечает именно молодежь у лимигантов, что служит косвенным свидетельством в пользу предположения А.В. Исаенко. Таким образом, с одной стороны конфликта — господствующее племя (роксоланы), с другой — племя, в котором ведущая роль могла принадлежать молодежным объединениям. Хотя такая трактовка сущности и механизмов конфликта в сарматском обществе Среднего Дуная в IV в. н.э. и не является бесспорной, но вполне может рассматриваться как одна из объяснительных моделей происходящих собы-

тий и в целом не противоречит гипотезе о существовании молодежных союзов у сарматов.

При исследовании социальных структур сарматов имеет смысл привлекать материалы по скифам. При том, что это два разных этнокультурных массива, между скифами и сарматами много общего. У античных авторов есть данные, предполагающие существование у скифов молодежных союзов. Обращает на себя внимание сообщение Геродота о происхождении племени савроматов [Геродот, IV, 111–116], в котором говорится о группе молодежи, живущей вдали от племени и занимающейся охотой и разбоем [Погребова, Раевский 1997: 84, прим. 3]. Помпей Трог в своем сочинении «История Филиппа», написанной на рубеже нашей эры, тоже достаточно определенно сообщает о подобном явлении: «В это время двое скифских юношей из царского рода, Плин и Сколопит, изгнанные из отечества происками вельмож, увлекли за собой множество молодежи, поселились на каппадокийском берегу у реки Термодонта и заняли соседнюю Темискирскую равнину. Там они в течение многих лет грабили соседей и потом были изменнически убиты вследствие заговора народов» [Юстин, II, 4, 1–3].

А.И. Иванчик рассмотрел самые ранние свидетельства о скифах, в том числе ассирийские источники, и выявил существование у них молодежных союзов [1988; 2005]. Члены этих союзов назывались псами. Это вполне соответствует тому, что мы знаем о членах молодежных союзов разных народов: их часто называли волками или собаками, подчеркивая их особый статус. Ф.Х. Гутнов, рассмотрев рельефные изображения на серебряном с позолоченными обкладками горите из кургана Солоха, обратил внимание на то, что на центральной сцене сражающиеся пехотинцы молоды и безбороды, а всадники явно старше и носят типичные скифские бороды [Гутнов 2002: 11]. По мнению Ф.Х. Гутнова, у скифов существовали как молодежные, так, возможно, и мужские союзы.

Л.С. Толстова, исследовав фольклорные материалы Приаралья, нашла в некоторых сюжетах отражение архаичного института возрастных классов [1984: 193]. В этногенезе народов Приаралья принимали участие сако-массагетские племена, а фольклор каракалпаков имеет явные параллели с нартовским эпосом народов Северного Кавказа. Это позволяет

говорить о его формировании в скифо-сармато-сако-массagetском мире. Следовательно, можно предположить существование института возрастных классов в этой этнокультурной среде [Там же: 192].

Ряд данных свидетельствует, что народы, близкие сарматам, могли иметь молодежные союзы. Так, Аммиан Марцеллин упоминает молодежь у аланов в связи с войной: «Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» [XXXI, 2, 20]. Есть все основания считать, что эту информацию Аммиан Марцеллин почерпнул из надежных источников и относится она к IV в. н.э.

Существует предположение, что апарны, упоминаемые Страбоном как завоеватели Парфии, являются молодежным союзом. Апарны, по мнению К.В. Тревер, — не этноним, а социальный термин, обозначающий молодежный союз, происходящий из состава народа дахов [1947]. Если это предположение верно, то оно служит дополнительным подтверждением существования в иранском кочевом массиве азиатских племен молодежных союзов. Как источник можно использовать отражение социальной терминологии иранцев в языке тех народов, с которыми они взаимодействовали. Парни (неженатая молодежь) у славян — это, возможно, иранский социальный термин [Топоров 1972: 23–37].

«Сильная молодежь» у сарматов на Среднем Дунае и молодежь аланов вполне могут быть членами молодежных союзов, хотя утверждать это со всей уверенностью нельзя — предложенная трактовка сообщений Аммиана Марцеллина не является единственно возможной.

Следует обратить особое внимание на значение слова «лимиганты», возможно, происходящего от «друг». Дело в том, что существуют любопытные параллели как по названию, так и по функциям, которые при желании можно расширить, о связи понятия «друг» с молодежными союзами и возрастными классами. Гетерии у древних греков — это изначально мужские союзы, позднее трансформировавшиеся в дружины. При этом наиболее адекватный перевод

ἑταῖροι — это «дружина» [Андреев 2004: 89]. Абсолютное тождество дружины и мужского союза (возрастного класса) характерно только для ранних стадий эволюции последнего. К этой же мысли приходит исследователь среднеазиатских материалов Г.П. Снесарев: «Генетическая связь среднеазиатской дружины... с возрастными молодежными ячейками союза мужчин не подлежит никакому сомнению...» [1963: 181]. Молодежные объединения Средней Азии, известные по этнографическим источникам, назывались по-разному, но одно из самых известных наименований — джура («друзья») — группа сверстников [Там же: 182].

Обращают на себя внимание друзья у скифов, играющие важную роль на похоронах: «Когда же умирают все прочие скифы (то есть не цари. — *Е.В.*), то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным» [Геродот 1972, IV: 73]. А.М. Хазанов пришел к выводу, что имеются в виду не побратимы, а более широкий круг людей [1975: 102]. Вопрос о друзьях рассматривает Э.А. Грантовский [1981: 62] и делает важное замечание: «На самом деле институт “друзей” у предков скифов существовал за много столетий до скифской эпохи» [Там же: 76]. Но при этом исследователь не выдвигает предположения о возможной связи друзей и молодежных союзов. Между тем участие возрастных классов в погребальных ритуалах — известный этнографический факт [Там же: 77].

Полиен в своем рассказе о сарматской царице Амаге, напавшей на скифов в Крыму, сообщает: «Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей» [VIII, 56]. Упоминание друзей в данном контексте может подразумевать не просто окружение царя, а особый институт, в том числе имеющий отношение к возрастным классам. Эволюция возрастного класса в направлении особой группы знати показывает нам пример социальных категорий *парна* и *гетерий* [Андреев 2004: 91; Тревер 1947].

Исходя из этих данных, можно выдвинуть гипотезу, что у сарматов могли существовать молодежные союзы друзей, трансформирующиеся в дружины. Как известно, дружины на ранней стадии эволюции выросли из возрастных классов

и мужских союзов [Свод 1986: 52]. В развитии дружинных структур большую роль должен был сыграть институт набега, позволивший укрепить позиции военного вождя молодых воинов². Сам процесс формирования «дружины для одного набега» описан для скифов Лукианом в «Токсарисе» [Лукиан: 48]. Аналогичное явление отмечено, например, у туркмен [Ботяков 2002: 19–20]. В дальнейшем дружина развивалась в направлении формирования личных связей вождя и воинов и обособления дружинников в привилегированную группу — протосословие.

Опираясь на антропологические данные, М.А. Балабанова попыталась реконструировать социальную организацию поздних сарматов. Их демографические показатели очень отличаются от известных для кочевников. Соотношение по полу составляет коэффициент 2,7 для нижневолжской серии и 2,0 для нижнедонской, то есть количество мужских погребений значительно превышает количество женских. Большая редкость — детские погребения, в нижневолжской и нижнедонской группах — 2,9 и 9,8 % от общего количества соответственно [2003: 67]. В среде поздних сарматов практиковалась искусственная деформация черепа. Такой череп был, видимо, значимым социальным маркером и выполнял престижно-знаковую функцию. Около 70 % черепов поздних сарматов Нижнего Поволжья имеют следы деформации. На Нижнем Дону этот показатель — менее 60 % черепов. Наличие группы с большим количеством травм (прослеживаемых на 70 % мужских костяков) и следами чрезвычайных физических и психоэмоциональных нагрузок говорит о военнизированном образе жизни. Примечательно, что травмы чаще фиксируются на мужских костяках с деформированными черепами [Там же: 71]. К 30–40 годам, по данным антропологии, у населения позднесарматской культуры формировался комплекс «хронической усталости».

Все эти данные наталкивает исследовательницу на мысль о существовании военных дружин у поздних сарматов, что в какой-то степени согласуется с археологическими материалами [Безуглов 1997; 2000]. М.А. Балабанова резюмирует: «Таким образом, ко II–IV вв. н.э. формируется аланский союз, который первоначально был организован по типу мужских союзов с резко милитаризованной направленностью, вклю-

чая иноплеменной состав» [Там же: 75]. Антропологический материал, конечно, красноречив и является важнейшим источником по социальной истории сарматов. Однако вывод М.А. Балабановой представляется слишком конкретным для исследования, основанного на одном виде источника. В дальнейшем она стала осторожней в формулировках: «Мы имеем дело с военизированными кочевниками, которые время от времени направляли наиболее активную часть молодых и зрелых мужчин на свою защиту, внаем, на грабительский набег (балц, барымта)» [2009, с. 75].

Между тем, на основании изучения тех же памятников, которые анализировала М.А. Балабанова, С.И. Безуглов приходит к заключению о всаднических комплексах позднесарматской культуры: «Стандартизация воинской экипировки на огромной территории, развитая иерархия, ...предполагают высокую степень единства позднесарматской воинской элиты» [2000: 180–181]. То есть С.И. Безуглов видит за воинскими комплексами дружину, а М.А. Балабанова — мужской союз. Однако выводы социально-исторического характера в статье С.И. Безуглова однолинейны, т.к. не исследована иерархия позднесарматского общества. И хотя материалы погребений позволяют выявить стандарты вооружения (меч, кинжал, сопутствующий инвентарь) и отклонения от него, соответствующие, очевидно, социальному статусу, но о реконструкции самой иерархии говорить ещё рано. Военизированный характер позднесарматского общества очевиден. Но в основательной археологической работе [Безуглов 1997] не может быть социальной реконструкции. Для этого необходимо использование методов социальной антропологии.

Так как же можно интерпретировать эти данные позднесарматской культуры? Не претендуя на окончательный ответ на поставленный вопрос, хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Группировка поздних сарматов, отличающаяся своей военизованностью, имеет два значимых признака: институциональное отделение от остального общества (имеют свою погребальную традицию) и высокий социальный статус (признаком которого является деформация черепа). Скорее всего, это не мужские союзы, которые были отдельной, но все же частью общества. Речь может идти о стадийно более позднем явлении — о группах на-

селения, специализирующихся на войне, но они могли развиться из мужских союзов.

В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное [Медведев 2002]. Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, территориальные и погребальные отличия этой группы. О тенденциях формирования сословности свидетельствуют пространственная организация погребений (отдельные могильники), военная деятельность определенной группы, поголовная вооруженность, стандартизация инвентаря, в первую очередь оружия. Идет здесь речь о дружине, или иной форме организации общества, ответить сложно. Пути развития воинских сообществ, формирование дружин и их роль в политогенезе еще не исследованы в должной мере. Еще сложнее судить об археологических критериях этих процессов.

Существует еще ряд наблюдений, интересных в контексте данной статьи. Антропологическое исследование ранних комплексов из могильников Ходмезевашархей-Фехерто показало отсутствие скелетов подростков и молодых мужчин 10–30 лет. Так, в могильнике Фехерто среди погребений I в. н.э. найдено шесть женских погребений и одно погребение мальчика, но нет мужских [Parducz 1946–1948]. Отсутствие данной половозрастной группы в этих могильниках еще не получило своего объяснения. Аналогичная ситуация и в Золотобалтовском могильнике скифского времени [Хазанов 1975: 66]. Среди его 71 погребения преобладают женские (их в 2,5 раза больше, чем мужских). В этом могильнике найден только один мужчина 20–30 лет. А.М. Хазанов предположил, что, «возможно, мужчин этой возрастной группы (воинов?) хоронили где-то отдельно» [Там же]. Эти данные могут свидетельствовать о том, что мужчины данного возраста отделялись от остальной массы населения. Поскольку речь идет о самой активной в военном отношении части социума, то не исключено, что молодые мужчины институционально выделялись.

Как известно, важнейшую роль в жизни кочевников играли миграции. Один из недостаточно исследованных механиз-

мов переселений является участие в них мужских союзов. У туркмен на первом этапе переселения новые земли осваиваются группой неженатой вооруженной молодежи [Ботяков 2002: 72–77]. Тот факт, что миграциям предшествовали военные акции и военное участие в них будущих мигрантов, хорошо известен. Например, проникновение языгов на Средний Дунай в I в. н. э., скорее всего, началось с участия языгов в военных операциях на стороне Ванния в середине I в. н. э. Тацит в «Анналах», рассказывая о разгроме царства Ванния, упомянул о «коннице из сарматского племени языгов» [XII, 29, 30], которая находилась на службе у Ванния. Освоение венграми той же самой территории Среднего Дуная в X в. началось с деятельности военных отрядов, действующих на службе у мораван или же самостоятельно. Только следующим этапом было переселение всех венгров [Шушарин 1997: 51–54].

На антропологическом материале показано, что первая волна переселения, результатом которой стало формирование джегьясарской культуры, была осуществлена именно мужчинами [Бужилова 2005: 152].

По этой же схеме происходило освоение аланами степей Юго-Восточной Европы. Первая орда, с которой можно связать погребения зубовско-воздвиженского типа, появилась во второй половине I в. до н. э. после Митридатовых войн. Вторая орда оставила богатые погребения на Нижнем Дону. По мнению Б.А. Раева, «допустив существование в социальной структуре ранних кочевников особых военизированных групп, мы сможем объяснить трудности с их археологической идентификацией» [2008: 129].

О связи между погребальным обрядом и членством в мужских/молодежных союзах свидетельствует информация об участии друзей в погребальном обряде [Геродот 1972, IV, 73]. Зубовско-воздвиженская группа памятников I в. до н. э. — I в. н. э. привлекает к себе внимание в свете проблемы поиска мужских союзов. Нахождение на пограничьи кочевого мира (левобережье Кубани — территория, не освоенная кочевниками), военизированный быт (примечательно наличие доспехов во многих погребениях), большое количество импортов наводят на определенные размышления. Но делать какие-либо выводы преждевременно, поскольку еще не разработаны ар-

хеологические признаки таких институтов, как мужские и молодежные объединения.

В раннесарматское время встречаются курганы, в которых находятся только мужские или только женские погребения. Как известно, захоронения нескольких покойников раннесарматского времени в один курган (сделанное по кругу или в ряд) трактуется обычно как свидетельство существования каких-то семейных и родовых структур. Но за такими явлениями могут стоять и другие социальные институты. Например, возрастной класс или мужской союз. Интересно, что «мужские» курганы встречаются примерно в два раза чаще [Ильюков, Власкин 1992: 182].

Весьма перспективным представляется анализ погребений молодежи. Поиск различий между детскими, подростковыми погребениями и погребениями взрослых приводит к любопытным результатам. Так, изучение среднесарматского могильника Новый показало, что оружие появляется в погребальном инвентаре с 16–18 лет. Это может свидетельствовать о переходе в другой возрастной класс и, предположительно, маркировать важную социальную границу.

Одним из характерных признаков мужского союза является культ волка (или близкий образ собаки) [Иванов 1975]. В разных традициях членов мужских/молодежных союзов называли волками-собаками. Есть ли свидетельства культа волков у сарматов? На скифском материале эта проблема анализировалась А.И. Иванчиком [1988; 2005]. В отношении сарматов этот вопрос рассматривался Ю.Б. Устиновой [Ustinova 2002] и С.Ю. Гуцаловым [2005]. Волки хорошо известны в изобразительной традиции савроматской эпохи V–IV вв. до н. э. В среднесарматскую эпоху известна серия изображений волков в произведениях звериного стиля. В.К. Федоров, исследуя т.н. жертвенные столики, пришел к выводу об особой роли волков в культе Хаомы, и проиллюстрировал это на археологическом материале [2000]. В этом плане интересна этимология названия саков-хаумварга — ираноязычных кочевников Средней Азии — как «волки Хаомы» (С.В. Кулланда возражает против такого перевода этнонима [2008: 209]). Употребление хаомы — один из важнейших ритуалов иранских мужских союзов [Ustinova 2002: 112]. В Авесте упоминаются мужские сообщества молодых вои-

нов (maigra в авестийском языке, merak в пехлеви) [Wikander 1938: 81–84], а также двуногие волки, которые хуже четвероногих [Хом-яшт, 9, 18].

Очень важно привлечь материалы осетинского нартовского эпоса, который сохраняет информацию о реалиях иранского кочевого мира, в том числе о культе волков и его связи с военной сферой. Прародитель самого воинственного нартовского рода — Ахсартагатта — носит имя Уарксаг, происходящее от старого названия волка в осетинском. Величайший нартовский герой Сослан стал неуязвим после того, как был закален в волчьем молоке. У осетин два бога были связаны с культом волков. Это Уастыржи — Святой Георгий, который вырос из древнего военного божества. У него прослеживаются черты древнего бога воителя и борца с драконом — покровителя мужских союзов. О связи его с мужскими объединениями говорит и то, что его имя могут называть только мужчины, а для женщин оно табуировано. Тутыр (и его христианский преемник Святой Феодор Тиранский) — покровитель волков. Инициации юношей проводились именно во время посвященного ему цикла праздника, как и пиршества, военные игры и т.п. [Туаллагов 2011: 140].

В свете вышесказанного можно предположить, что урги, упоминаемые Страбоном наряду с языгами [VII, 3, 17] — это не народ, а молодежные союзы. «Оуруо» в переводе со скифо-сарматского означает «волки» [Абаев 1979: 308]. Но такая трактовка названия ургов — связь его с молодежным/мужским союзом или же рассмотрение ургов в качестве молодежного/мужского союза языгов — не более чем предположение³. Кстати, регион, где отмечены урги — Подунавье — вполне подходит для размещения молодежного союза — это самая окраина кочевого мира, «беспокойная граница» (термин Т.Д. Барфилда), где в этот момент находился авангард сарматского этнокультурного массива.

Особое внимание привлекает золотая диадема из погребения № 10 Кобяковского курганного могильника [Ustinova 2002]. Этот великолепный образец полихромного бирюзового стиля, проникший в Восточную Европу вместе с мигрантами в I в. н. э., стоит в ряду очень выразительных произведений искусства, найденных в комплексах среднесарматской культуры на Нижнем Дону (Хохлач, Дачи). Золотая диадема

делится на четыре части. Центральная фигура трактуется как изображение царя-жреца или бога. На каждой из трех частей изображены песьеголовые воины, сражающиеся с драконом. Ю.Б. Устинова считает, что борьба с драконом — это классический сюжет из мифологии мужских союзов [Ibid.: 115]. По ее мнению, воины-ликантропы являются членами мужского объединения [Ibid.: 104]. Дубинки в руках воинов — символ бога-громовержца, борца со змеем-драконом, а ведь бог-драконоубийца считался в мифологии покровителем мужских союзов [Иванчик 2005: 178].

Таким образом, о наличии культа волка в сарматской среде свидетельствуют изобразительная традиция, данные эпоса и этнографии осетин, повсеместное почитание волка у евразийских кочевников [Харитонов 2000]. Проблема заключается в том, насколько связаны культ волка и мужские объединения.

С проблемой существования мужских союзов у сарматов может быть связана и ситуация с частными объединениями — фиасами в городах Боспора, особенно в Танаисе. (см. обзор [Завойкина 2007]). За этими союзами, религиозными по форме, стоят какие-то реалии. Однако «надписи Танаиса не содержат никаких данных, которые могли бы дать конкретное представление о целях и задачах синода» [Книпович 1949: 107]. Из всех версий о предназначении союзов наиболее вероятной представляется версия о военном значении этих объединений [Шкорпил 1908: 43-44; Ростовцев 1989: 128]. В этих союзах нет женщин. Скульптуры членов фиаса II в. изображают воинов. В частных союзах, по расчетам Д.Б. Шелова, состояли все свободные мужчины Танаиса — 250–300 человек (из 1500–2000) [1972: 277–278]. Тотальная вовлечённость населения Танаиса легко объясняется военным значением этих организаций. Союзы играли значительную роль в военной организации Боспора⁴.

Наличие общины танаитов и религиозных объединений с военной функцией, вовлекающих в свой состав всех жителей Танаиса, позволяет связать эти два факта. Союзы — это форма военной организации населения. При этом роль танаитов в военно-политической сфере могла быть более значимой — не только в связи с их военными навыками, но и в силу их связей с сарматским миром. Упоминание лохага

танаитов подтверждает мысль о том, что приоритетной задачей танаитов была военная служба.

Однако и сильная молодежь, и лимиганты, и друзья, о которых идет речь в источниках, и военизированные группы поздних сарматов не обязательно являются мужскими союзами. Все данные, которыми мы обладаем — косвенные, источники фрагментарны, поэтому в настоящее время идея о существовании молодежных/мужских союзов у сарматов — не более, чем рабочая гипотеза. Правомерность или же, наоборот, ошибочность этой гипотезы будет подтверждена в результате ее критики и дальнейших научных изысканий историков, археологов, антропологов, лингвистов. Наиболее актуальные направления исследования проблемы — это поиск археологических критериев существования мужских союзов и изучение антропологических материалов, а также анализ религиозной ситуации и культов у сарматов.

¹ Надо отметить, что наиболее обеспечена письменными источниками история сарматов на Среднем Дунае IV в. н.э., во многом благодаря Аммиану Марцеллину.

² Известна традиция у осетин — наследников скифо-сарматской культурной традиции — в ходе инициаций совершать специальные походы — балцы — продолжительностью в 1, 3 и 7 лет последовательно [Иванчик 1988: 43].

³ Это не единственная трактовка названия «урги». Свои варианты объяснения предложили К.Ф. Смирнов [1984: 121] и Ю.М. Десятчиков [1973].

⁴ Мы не видим причин отказываться от версии военно-сакральной природы фиасов, как это делает Н.В. Завойкина (Смирнова). Ее аргументы неубедительны, поскольку не опровергают доводов в пользу военного предназначения фиасов [Смирнова 2001: 263].

Абаев В.И. 1979. Словарь скифских слов // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.

Абаев В.И. 1996. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М. Т. I.

Аммиан Марцеллин. 1994. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского. СПб.

Андреев Ю.В. 2004. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.

Балабанова М.А. 2003. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6.

- Балабанова М.А.* 2009. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // РА. № 3.
- Балушок В.Г.* 1993. Инициации древних славян (попытка реконструкции) // ЭО. № 4.
- Балушок В.Г.* 1995. Инициации древнерусских дружинников // ЭО. № 1.
- Балушок В.Г.* 1996. Древнеславянские молодежные союзы и обряды инициации // ЭО. № 3.
- Безуглов С.И.* 1997. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов.
- Безуглов С.И.* 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону.
- Ботяков Ю.М.* 2002. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX века). СПб.
- Бужилова А.П.* 2005. Homo sapiens. История болезни. М.
- Вдовченко Е.В.* 2002. К вопросу о молодежных союзах у племен скифо-сарматского круга // Исторические этюды. Сборник статей памяти Ю.В. Кнышенко. Ростов н/Д.
- Геродот.* 1972. История / Пер. и примеч. Г.А. Страгановского. М.
- Грантовский Э.А.* 1981. О некоторых материалах по обществу строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М.
- Гуцалов С.Ю.* 2005. Волчье племя // Дарьял. № 1.
- Десятчиков Ю.М.* 1973. Сатархи // ВДИ. № 1.
- Евсевий Памфил.* 1998. Жизнь блаженного василевса Константина. М.
- Завойкина Н.В.* 2007. Частные сообщества Танаиса (104–244 гг. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры.
- Иванов В.В.* 1975. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. № 5.
- Иванчик А.И.* 1988. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. № 5.
- Иванчик А.И.* 2005. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.–Берлин.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В.* 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Исаенко А.В.* 1993. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.

Иштванович Э., Кульчар В. 2000. Проблема «первого поколения» в изучении сарматов Карпатского бассейна // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара.

Калиновская К.П. 1976. Возрастные группы народов Восточной Африки. М.

Карпов Ю.Ю. 1996. Джигит и волк. СПб.

Книпович Т.Н. 1949 Танаис. М.-Л.

Колосовская Ю.К. 2000. Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.

Кулланда С.В. 2008. Scythica obsoleta (По поводу книги А.И. Иванчика «Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история». М.–Берлин, 2005 // ВДИ. № 1.

Медведев А.П. 2002. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. 1997. Савроматы и скифы // Сарматы и Скифия. Донские древности. Азов. Вып. 5.

Раев Б.А. 2008. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Алматы.

Ременников А.М. 1957. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV веке н. э. // Уч. зап. Казанского гос. пед. ин-та. Вып. 12.

Рикман Э.А. 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.

Ростовцев М.И. 1989. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. № 4.

Свод 1986 — Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.

Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев.

Смирнов К.Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.

Смирнова Н.В. 2001. Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; М. Вып. X.

Снесарев Г.П. 1963. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 7: Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. М.

Толстов С.П. 1938. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. № 1 (2).

- Толстов С.П.* 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстова Л.С.* 1984. Исторические предания южного Приаралья. М.
- Топоров В.Н.* 1972. О происхождении нескольких русских слов (к связям с индо-иранскими источниками) // *Этимология*. 1970.
- Тревер К.В.* 1947. Древнеиранский термин “*paṅa*” (к вопросу о социально-возрастных группах) // *Известия АН СССР. Серия истории и философии*. № 1.
- Туаллагов А.А.* 2011. Аланы или «аланы» // *Европейская Сарматия*. СПб.
- Федоров В.К.* 2000. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // *Уфимский археологический вестник*. Вып. 2.
- Хазанов А.М.* 1975. Социальная история скифов. М.
- Харитонов М.А.* 2000. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии / Дисс. на соискание уч. степ. к.и.н. Улан-Удэ.
- Шелов Д.Б.* 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
- Шкорпил В.В.* 1908. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // *Известия Императорской Археологической комиссии*. Вып. 27.
- Шушарин В.П.* 1997. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.
- Harmatta* 1970. *Studies on the History and Language of the Sarmatians*. Seged.
- Parducz M.* 1946–1948. *Szarmta temeto Hodmezovasarhely-Feherton* // *AE*. 283–290.
- Ustinova Yu.B.* 2002. Lycanthropy in Sarmatian warrior societies: the Kobyakovo torque // *Ancient West and East*. № 1.
- Wikander S.* 1938. *Der Arische Mannerbund*. Lund, 1938.